

А. П. САЛЬКОВ

**ТРАНСИЛЬВАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
В СОВЕТСКО-РУМЫНО-ВЕНГЕРСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ (август 1944 — май 1945 г.)**

Румыния была первой из зарубежных стран, в которую в годы Второй мировой войны в конце марта 1944 г. вступила Красная Армия. Советское политическое и военное руководство сделало ряд заявлений о целостности территории и неизменности общественного строя страны [8, с. 35—37; 12, док. 4—5, с. 17—20]. В этих условиях в Румынии 23 августа произошел государственный переворот, приведший к отстранению маршала И. Антонеску и формированию кабинета генерала К. Санатеску, что ускорило принятие решений по Трансильвании [23, р. 510—511]. Причем полвека спустя бывший король Михай Гогенцоллерн (в августе 1944 г. 22-летний молодой человек, с ведома и согласия которого и был произведен переворот) говорил в декабре 1993 г. в интервью венгерскому историку М. Фюлепу о том, что накануне переворота в политических кругах Бухареста знали о неготовности Великобритании и США гарантировать права Румынии на Трансильванию. Поэтому румынская элита рассчитывала на поддержку СССР [18, с. 396—397]. В этой связи особенно важен вывод о том, что до середины 1944 г. в советском руководстве имелось твердое убеждение о свободе Объединенных Наций от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский договор 1920 г. утратил силу, так как и Венгрия, и Румыния являются вражескими государствами [7, с. 103—104]. Борьбу за баснословный приз (территория всей Трансильвании с Банатом, Кришаной и Марамурешем составляла по оценке 1939 г. 102,3 тыс. кв. км с населением 5,9 млн чел. Однако по решению второго Венского арбитража 30 августа 1940 г. Румыния передала Венгрии Северную Трансильванию площадью 43,6 тыс. кв. км с населением 2,6 млн чел., в том числе более 1 млн румын [19, док. 24, с. 79—80; док. 52, с. 211]) нужно было начинать с чистого листа.

Румыния 25 августа официально объявила войну Германии, а 31 августа советский посол в Анкаре С. А. Виноградов получил румынскую ноту о намерении подписать немедленное перемирие и принять участие в войне с Германией. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов 31 августа принял румынскую правительственную делегацию для обсуждения проекта соглашения о перемирии, базировавшегося на советских предложениях от 12 апреля 1944 г. В ее состав входил и князь Б. Штирбей, который вместе с представителями союзников еще в марте — апреле вел беседы с совет-

ским посланником в Египте Н. В. Новиковым о выходе Румынии из войны. Однако возглавил делегацию один из лидеров КП Румынии Л. Патрашкану, чье назначение имело целью добиться более мягких условий перемирия [4, док. 11, с. 59—60; док. 12 и примеч. 7, с. 64—65].

Если накануне он расплывчато заявлял о начале борьбы «за освобождение национальной территории», то на встрече с Молотовым 31 августа уже предложил немедленно направить румынские войска в Трансильванию для борьбы с немцами, хотя знал, что они разоружены Красной Армией и близки к состоянию военнопленных. Территориальный фактор с самого начала был активно задействован и во внутривнутриполитической борьбе. Патрашкану в беседе с первым зам. наркома иностранных дел А. Я. Вышинским 1 сентября объяснил вхождение КП Румынии в правительственный блок стремлением парализовать влияние лидеров «исторических партий» [национал-царанистской и национал-либеральной. — А. С.] Ю. Маниу и Д. Братиану, которые «до сих пор не согласны с тем, что Бессарабия должна принадлежать Советскому Союзу». Со своей стороны, партия Маниу (выходца из Трансильвании), пользовавшаяся поддержкой основной массы крестьян (особенно трансильванских), создала убеждение в обществе, что Трансильвания возвращается в состав Румынии, главным образом, благодаря национал-царанистской партии (НЦП) и ее лидеру [20, док. 1, с. 18; док. 4, с. 24; док. 6, с. 30; 4, док. 11, с. 61—62].

О чем-то подобном предупреждал кишиневский журналист И. Константиновский, который в качестве военкора находился в войсках 2-го Украинского фронта и составил доклад «К пребыванию Красной Армии в Румынии» (датирован 15 июня 1944 г.), высоко оцененный зам. наркома иностранных дел С. А. Лозовским. Автор доклада писал, что румынские политики, подобные Маниу, в случае возвращения Северной Трансильвании, считавшейся колыбелью румынской нации, сделают все возможное для умаления роли СССР и «представят этот территориальный выигрыш как результат исключительной доброжелательности Англии и США» [11, ф. 17, оп. 125, д. 247, л. 31, 34].

Румынская делегация в Москве направила 5—6 сентября в НКВД СССР три ноты. Одна из них содержала просьбу правительства Санатеску о координации боевых действий советской и румынской армий

по отражению венгро-немецкого наступления в Трансильвании, грозившего переносом фронта на Южные Карпаты и репрессиями против румынского населения края. Однако заведующий IV Европейским отделом В. А. Зорин выразил в записке Вышинскому от 9 сентября мнение, что все румынские предложения должны быть отнесены к компетенции советского военного командования. Поскольку дипломатические отношения с Румынией установлены не были, ноты

остались без ответа. 10 сентября проект соглашения о перемирии был передан румынской делегации. Как записал в дневнике Вышинский, Патрашкану счел проект «наилучшим, на который только могла бы рассчитывать Румыния» [19, док. 58—59, с. 249—251; 20, док. 5 и примеч. 2, с. 27—28]. В то же время и Москва, и Лондон были едины во мнении о несвоевременности статуса союзного государства для Румынии и установления с ней дипломатических отношений, что видно из обмена письмами английского посла в Москве А. Керра (9 сентября) и Молотова (14 сентября) [14, док. 124, с. 151; док. 126, с. 158].

Соглашение о перемирии было заключено 12 сентября и содержало интригу, позволявшую Москве успешно разыгрывать «трансильванскую карту» исходя из формулировки статьи 19, которая гласила: «Союзные Правительства считают решение Венского арбитража несуществующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании...» [3, с. 210]. Далеко идущее политическое значение приобрела проблема выполнения Румынией условий перемирия. В первую очередь это касалось вопроса об администрации в Трансильвании. Первоначально в освобожденной Северной Трансильвании, населенной румынами, венграми (секлерами) и немцами (трансильванскими саксонцами и банатскими швабами), по согласованию с СССР устанавливалась румынская гражданская администрация. Однако в связи с резким обострением румыно-венгерских межнациональных противоречий и кровавыми расправами румынских вооруженных банд над венгерским населением советское командование приняло решение о передаче с 14 ноября управления в крае советской военной администрации, приказав префектам в 24—48 часов освободить всю территорию Трансильвании от румынских административных органов. Этот шаг прекратил бандитизм в крае, но был воспринят румынской стороной едва ли не как возвращение венгерской власти [24, р. 73—77]. Первый визит Вышинского в Бухарест (ноябрь — декабрь 1944 г.) был открыт острым обсуждением данной проблемы на встрече с Санатеску в этот же день. Обе стороны выдвинули в слабо завуалированной форме взаимные претензии о невыполнении соглашения. Санатеску дважды возвращался к вопросу об администрации в Трансильвании. Он пояснил, что румынская власть после окончания военных операций первоначально «проникла» в четыре уезда, и это «проникновение наших властей происходило постепенно в течение полутора месяцев». Вышинский парировал, что статья 19 не вызывает никакого сомнения, «однако порядок, время, сроки возвращения Трансильвании должны быть установлены особо», а сама передача власти должна проходить «организован-

ным порядком, а не односторонне и произвольно». Кроме того, он указал на взаимную обусловленность выполнения всех статей, а не только тех, которые касаются «почти исключительно интересов Румынии» [4, док. 24 и примеч. 1, с. 89—91, 94].

Выполнение соглашения о перемирии в более развернутой форме рассматривалось в письме Маниу Вышинскому от 15 ноября. В нем отмечалось, что администрация в Северной Трансильвании была только частично передана румынскому правительству, и приказ советских военных властей о ее эвакуации «не оправдывается никаким из условий Соглашения о перемирии». Указав на пункт, признающий решение Венского арбитража несуществующим, он вполне логично заключил, что до решения на мирной конференции единственно законной линией румыно-венгерской границы может быть лишь линия Трианонского договора 1920 г., передавшего всю Трансильванию Румынии. В этих условиях согласно духу соглашения о перемирии «в Трансильвании не может быть другой администрации, кроме румынской». Опытный политик, Маниу выразил мнение, что «некоторые партии пользуются поддержкой советских властей», и зафиксировал «некоторое давление на политические чувства страны». На фоне вопроса об администрации в Трансильвании встал и аналогичный вопрос о Молдавии. Его обозначил Санатеску на упоминавшейся встрече с Вышинским, сообщив о довольно частых недоразумениях в этой провинции Румынии между советским командованием и румынскими властями. Маниу в письме Вышинскому прямо отметил, что румынским властям «удалось только частично установиться в Молдавии», советская военная администрация чинила препятствия румынским служащим в занятии их постов, приступила в различных районах Молдавии «к некоторым высылкам». Поэтому общественное мнение «не может отделаться от впечатления, что существует тенденция отделить мало-помалу Молдавию от остальной Румынии» [20, док. 16, с. 52—55; 4, док. 24, с. 93].

Дискуссия о выполнении условий перемирия выплеснулась и на страницы румынской прессы. Царанистская газета «Курьерул» 16 ноября опубликовала статью об устранении румынской администрации

из Трансильвании под заглавием «Требуем объяснений». В ней отмечалось, что торжественное установление румынских органов власти в Трансильвании проходило не без содействия Красной Армии, которая до этого осуществляла там административные функции. Тем самым отклонялся тезис о посылке румынских органов власти в край «без предварительного уведомления» советских военных властей. Что же касалось действий националистических отрядов, то газета, признавая злоупотребления «добровольцев из Трансильвании»,

не могла оправдать ими «невыполнение условий перемирия в таком существенно важном пункте», как возвращение Румынии Северной Трансильвании. С разоблачением этой статьи выступила коммунистическая «Скынтея» и орган Союза патриотов «Романия Либера». 3 декабря официальный орган НЦП «Дрептация» опубликовал статью о присутствии Вышинского на богослужении в патриаршем соборе по случаю годовщины акта в Альба-Юлии (1 декабря 1918 г.), в результате которого Трансильвания была односторонне присоединена к Румынии. В ней высокопарно заявлялось, что румынские дивизии «проливали кровь плечом к плечу» с непобедимыми советскими войсками, и эта «общая борьба привела к освобождению Северной Трансильвании, полученной хортистской Венгрией в дар от Гитлера». Однако советский военный представитель при 4-й румынской армии доносил 28 декабря 1944 г. и о других настроениях среди офицерского состава: «Русские сделали неправильно, выгнав румын сначала из Клужа [административный центр края. — А. С.], а затем из всей Сев[ерной] Трансильвании. Мы начали воевать с немцами исключительно из-за Сев[ерной] Трансильвании. Это наша земля. Русские установили в Сев[ерной] Трансильвании венгерскую власть...» [12, док. 69, с. 71; 20, док. 17, с. 57—58; док. 19, с. 59—60].

Хотя Маниу не раз демонстрировал свое дружественное отношение к СССР, Москва видела в нем идеологического противника. Правительственная газета «Тимпул» 4 декабря перепечатала из журнала «Война и рабочий класс» статью «О положении в Румынии» о неудовлетворительном выполнении условий перемирия, в которой резко критиковался Маниу. Эта публикация явилась следствием специальной телефонограммы по ВЧ Вышинского Молотову с предложением о публикации в Румынии статьи против Маниу. Не случайно 6 декабря в беседе Вышинского с М. Ралей — руководителем социал-царанистской партии, вошедшей в состав Фронта земледельцев (Союза плугарей), так много внимания было уделено НЦП и ее лидеру. Интересно сообщение Рали о преобладающем политическом влиянии в северной (католической и униатской) части Трансильвании Ю. Маниу, а в южной (православной) — либерального адвоката, бывшего помещика, лидера Фронта земледельцев П. Грозы [20, док. 18, примеч. 2—3, с. 59; док. 20, с. 61—62].

По запросу наркома иностранных дел РСФСР А. И. Лаврентьева, который в 1940—1941 гг. был полпредом в Румынии, свою позицию по проблеме передачи Северной Трансильвании 31 декабря 1944 г. изложил начальник Генштаба Красной Армии С. М. Штеменко. (Вышинский, правда, сделал на документе помету: «Пока этот вопрос ставить не будем».) Штеменко указал на три важных обстоятельства: 1) на территории провинции находились тылы 2-го и 4-го Украинских фронтов; 2) Румыния, в случае передачи

ей края, засчитывала бы продовольственные заготовки в его пределах в счет репараций, что экономически невыгодно; 3) две румынские армии, сражающиеся совместно с Красной Армией, «воюют плохо и стимулом для них сейчас является предстоящая передача Румынии Северной Трансильвании». Если же этого стимула не станет, то они «будут сражаться еще менее эффективно». Исходя из этого, Генштаб счел, что передача «в настоящее время... для нас не выгодна». Если же политические соображения превалировали бы над военными и экономическими, то, по мнению Генштаба, «может быть передана Румынии вся Северная Трансильвания, поскольку наименьшее расстояние от нее до ближайшей линии фронта составляет 110 км». Мысль, которую еще полтора месяца назад с политической витиеватостью выразил Маниу в письме Вышинскому, Штеменко изложил с армейской прямоотой: «Статью 19-ю Соглашения о перемирии, в которой признается несуществующим Венский арбитраж, с точки зрения юридической можно толковать так, что вся Северная Трансильвания до мирного урегулирования должна быть передана Румынии, не считаясь с этническим характером этой области». Далее начальник Генштаба сделал исключительно важную оговорку о том, что часть северотрансильванских уездов при первой передаче «могла бы пока не возвращаться, если бы в этих уездах имелась особая заинтересованность Красной Армии по мотивам военного порядка» [20, док. 23 и примеч. 1, с. 67—68]. Эта мысль уже содержала вызревшую позже концепцию советского военного руководства об использовании отдельных территорий, коммуникаций и объектов в интересах функционирования армейского хозяйства. Она нашла свое крайнее выражение в эксплуатации советскими военными комендатурами речного судоходства на Одере до августа 1946 г. (сообщение о передаче польским властям Управления водного пути на Одере поместила гданьская воеводская газета «Глос Выбжежа» за 16—23 августа) и изъятого из польского городского управления

Штеттина района Гавань-военная до сентября 1947 г. (передан Польше по межправительственному соглашению от 17 сентября) [1, ф. 0122, оп. 28, п. 205, д. 30, л. 156; 17, док. 82, с. 361—363; примеч. 240, с. 775].

Важный этап внутривосточного генезиса Румынии в августе — декабре 1944 г., характеризовавшийся острой борьбой между «историческими» партиями и Национально-демократическим фронтом (НДФ) за расширение присутствия в правительстве, был отмечен реорганизациями кабинета К. Санатеску и формированием во многом неподконтрольного Москве правительства генерала Н. Радеску [подробней см. 22].

Румыния претерпела и сильное внешнее воздействие. Положение в стране обсуждалось в ходе знаменитых встреч И. В. Сталина с У. Черчиллем в

октябре 1944 г. в Москве. Уже на первой беседе 9 октября Черчилль положил на стол, по его словам, «довольно грязный и грубый документ». Он содержал список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав — своеобразный раздел «сфер влияния» на Балканах. Черчилль отозвался, что «в очень большой степени Румыния — это дело русских», а глава Форин офис А. Иден добавил: «... в Румынии англичане являются зрителями». Поэтому в Румынии предусматривалось 90 % влияния России и 10 % — других государств, за что Англия получала аналогичную свободу рук в Греции. По свидетельству очевидцев, Сталин поставил синим карандашом галочку на документе и вернул его Черчиллю. Сталинская пометка была сделана на румынской строке. (Впервые Черчилль рассказал о листке с «процентами» в 6-м томе своих мемуаров, однако наиболее полной и объективной является советская запись этой беседы, опубликованная в 2004 г.) На встречах Молотова и Идена 10—11 октября развернулся поистине бухгалтерский торг, в результате которого доля «советского влияния» в Венгрии и Болгарии составила 80 %. «Процентное соглашение» являлось реальной договоренностью, хотя и не оформленной официально. Это была попытка геополитического компромисса, который определенное время соблюдался обеими сторонами и во многом предопределил развитие событий на Балканах [10, коммент., с. 417; док. 161, с. 420, 423; док. 162, с. 429—434; коммент., с. 435—436]. Вышинский в ходе своей первой миссии в Бухарест также активно воздействовал на территориальный аспект политического кризиса в Румынии. Он использовал в качестве средства давления невыполнение Бухарестом условий перемирия и искусно поддерживавшуюся проблему возвращения румынских властей в Северную Трансильванию.

Тем временем в Москве оживился интерес к Венгрии. Председатель Комиссии НКВД по вопросам перемирия с Германией и ее союзниками К. Е. Ворошилов сообщил 31 августа 1944 г. Молотову, что составлен «новый, несколько смягченный» проект условий перемирия с Венгрией, который можно использовать, если она, подобно Румынии, выйдет из войны. Неофициальную венгерскую миссию барона Атцеля, находившуюся в Москве 26—29 сентября по указанию Молотова, отправили обратно. Однако уже 1 октября Украинским штабом партизанского движения в Москву была доставлена новая миссия во главе с генерал-полковником Г. Фараго. Молотов в меморандуме от 6 октября об этой миссии, врученном английскому и американскому послам А. Керру и А. Гарриману, упомянул о просьбе венгров, чтобы румынские войска не переходили границ, установленных в 1940 г. в Вене [1, ф. 077, оп. 24, п. 112, д. 3, л. 2, 27], что означало бы сохранение венгерской администрации в Северной Трансильвании.

Советские обязательства по возвращению Румынии Северной Трансильвании и обстановка на фронтах заставили и хортистское руководство Венгрии вторично (после тайного заключения Предварительного соглашения между союзными державами и Венгрией 9 сентября 1943 г.) поднять вопрос о перемирии. Регент-правитель Венгрии адмирал М. Хорти в конце сентября обратился с письмом к Сталину, просил «пощадить нашу несчастную страну» и поддержать ее при выработке условий перемирия. Он не преминул напомнить, что именно румыны захватили Бессарабию у «своего русского союзника после Первой мировой войны и хотели захватить с помощью немцев значительную часть Советской России во время Второй мировой войны». Венские арбитражные решения 1940 г. Хорти объяснил лишь стремлением положить конец «чудовищному отношению к венгерскому населению Трансильвании», считая, что только благодаря помощи Гитлера у Румынии осталась южная часть провинции. В соответствии с требованиями союзников делегация Фараго подписала 11 октября 1944 г. в Москве предварительные условия перемирия. Венгрия обязывалась немедленно объявить войну Германии и эвакуировать свои войска и чиновников с территории Чехословакии, Югославии и Румынии в пределы своих границ на 31 декабря 1937 г. [2, док. 164, с. 298—299; 4, док. 14, с. 72; док. 17, с. 75]. Весьма характерно, что в Воззвании Венгерского фронта и листовке Венгерской КП (оба документа от 6 октября) с требованием немедленного перемирия упоминается о боях в Трансильвании и беженцах из этой провинции, как о своих собственных проблемах [9, с. 24, 26].

Однако уже 14 октября стало очевидным невыполнение Венгрией условий перемирия, о чем зам. начальника Генштаба генерал армии А. И. Антонов сделал представление Г. Фараго. Позже венгерская

делегация на переговорах о перемирии выступила 27 ноября с вербальной нотой, означавшей отказ от всех своих прежних предложений, и выдвинула идею образования венгерского правительства в г. Дебрецене. К тому времени уже были сформулированы предложения Венгерской КП в Программу демократического восстановления и подъема Венгрии, принятую 3 декабря. Они содержали положение о необходимости «порвать с венгерской империалистической манией величия, с реакционными химерами “великой Венгрии”». 6 декабря Молотов принял венгерскую делегацию. Территориальный вопрос формально не затрагивался, но произошел весьма показательный диалог. Член делегации граф Г. Телеки прямо спросил у Молотова, признает ли советское правительство «венгерское королевство святой короны». На что последний так же прямо ответил: «Мы четвертый год ведем войну против него». Он напомнил, что советское правительство по просьбе венгерской стороны хотело

помочь Хорти облегчить положение в Будапеште и приостановило наступление на венгерскую столицу. (Это, однако, привело к тому, что лидер фашистской партии «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши, действуя от имени регента Хорти, создал после нилашистского путча 15 октября новое правительство и провозгласил себя «фюрером нации») [13, док. 23, с. 109; док. 24, с. 112—113; 16, док. 3, с. 21].

Временное национальное собрание Венгрии работало 21—22 декабря в Дебрецене, поручив вновь образованному правительству начать с СССР переговоры о перемирии. 28 декабря Временное национальное правительство объявило войну Германии, о чем его глава Б. Миклош сообщил в письме политсоветнику Г. М. Пушкину и члену Военного Совета 2-го Украинского фронта генерал-полковнику И. З. Сусайкову. 20 января 1945 г. Венгрия заключила перемирие с союзниками, в пункте 19 которого значилось, что «решения Венского Третьего Суда от 2 ноября 1938 года и Венского Арбитража от 30 августа 1940 года настоящим объявляются несуществующими» [13, док. 29 и примеч. 2, с. 121—122; 2, док. 176—179, с. 340—342; 16, док. 7, с. 27—28; док. 13, с. 44].

В начале января 1945 г. Москву посетила делегация румынских коммунистов (Г. Георгиу-Деж, А. Паукер, Г. Апостол), которые беседовали со Сталиным о создании правительства НДФ, подконтрольного коммунистам. Наряду с прочими рекомендациями Сталин, как записал Г. Димитров в своем дневнике 4 января, дал следующую: «8. Развивать тезис, что если такое правительство будет [создано], СССР поможет, чтобы Трансильвания была румынской» [6, с. 458], что можно было расценить как прямое обещание и новый ход в розыгрыше «трансильванской карты». Вместе с тем в Румынии не очень сомневались, что Трансильвания рано или поздно будет присоединена. Король Михай направил 24 января весьма доверительное письмо президенту США Ф. Рузвельту, где говорил о благодарности «славной Красной Армии за помощь в возврате Северной Трансильвании, которая всегда была столь дорога сердцам всех настоящих румын», явно имея в виду условия сентябрьского перемирия и обходя вниманием ноябрьское удаление из края румынской администрации [21, р. 161—162]. В феврале — марте 1945 г. в Румынии разразился очередной правительственный кризис, который вызвал второй визит Вышинского в Бухарест (27 февраля — 14 марта) с целью реорганизации кабинета в пользу левых сил. Эти события знаменовали собой и новый этап в решении трансильванской проблемы.

Последние документальные публикации отражают переход геополитического приоритета в Антигитлеровской коалиции после октября 1944 г. с вектора Москва — Лондон на вектор Москва — Нью-Йорк, что хорошо видно

на примере Венгрии и Румынии. Политическая ситуация в Венгрии была предметом обсуждения на встрече зам. наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова с послом США А. Гарриманом (25 декабря 1944 г.). Развитие политического процесса в Румынии активно дискутировалось в ходе обмена письмами между Молотовым и Гарриманом (26, 27 февраля, 4, 7, 14, 17 марта 1945 г.), на встречах Вышинского с представителем США в Румынии Б. Берри (1 марта), зам. наркома И. М. Майского с Гарриманом (5 апреля). Причем за вопросом о характере и составе правительств двух стран стояла и территориальная проблема между ними [15, док. 264, с. 600; док. 275—279, с. 623—628; док. 283—284, с. 636—638; док. 288, с. 643].

Политсоветник Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Румынии А. П. Павлов принял 9 февраля 1945 г. министра иностранных дел К. Вишоюну. Последний вновь поставил вопрос о возвращении румынской администрации в Трансильванию, ссылаясь на обещание Вышинского решить этот вопрос после подписания соглашения о поставках. Министру было разъяснено, что передача Трансильвании связывалась с общей проблемой выполнения Румынией условий перемирия, а не только с соглашением о поставках. Павлов указал на по-прежнему неудовлетворительное выполнение этих условий в интересах снабжения экономики (добыча угля и подготовка к весеннему севу) и чистки госаппарата от фашистских элементов. Вишоюну в ответ лишь просил о прекращении арестов царанистов в Трансильвании, проводимых местными венгерскими властями. 12 февраля премьер-министр Н. Радеску выступил с политической речью о войне до полной победы и честном выполнении условий перемирия, однако шаткое положение его правительства,

несмотря на поддержку англо-американских представителей в СКК, становилось все более очевидным [22, р. 282—285]. Говоря о Северной Трансильвании, Радеску заявил, что вступление туда «является нашим правом и поэтому смешно говорить о нем как об одолжении... Трансильвания наша, и мы должны в нее войти». В телефонограмме Павлова в НКВД с изложением этого выступления, разосланной всему советскому руководству, не ускользнуло от внимания, что в речи практически не упоминалось о Советском Союзе и Красной Армии «даже тогда, когда говорилось об освобождении Трансильвании [разрядка в документе. — А. С.]» [20, док. 26—27, с. 74—78].

После кровавых демонстраций 24 февраля в Бухаресте Радеску был отставлен. Острая борьба за кандидатуру нового премьера отразила расстановку сил внутри страны, а также различные подходы советских и англо-американских представителей в СКК к новому правительственному кризису [подробней см. 4, док. 48, с. 164—165; 20, док. 41, с. 98—99; док. 48—49, с. 111—113].

В Архиве внешней политики РФ выявлен интересный документ. 26 февраля Деканозову было направлено заключение IV Европейского отдела, касающееся отзыва венгерской администрации из Северной Трансильвании. Содержался вывод, что такой отзыв было бы «невыгодно и нежелательно пока требовать», со ссылкой на «антидемократическую политику» румынских властей. Поэтому СКК следовало бы пока воздержаться от предъявления Венгрии требований об отзыве своих чиновников из края. К тому же, по сообщению политсоветника СКК в Венгрии Г. М. Пушкина, их оставление было «признано целесообразным нашими военными властями». Деканозов наложил 27 февраля резолюцию «тов. Молотову В. М. Прошу В[ашего] согласия. Соответствующий ответ будет дан в Дебрецен». Ниже, уже без даты, стоит вторая резолюция: «Вопрос отпал решением о передаче рум. адм.-ции. Д. [еканозов]». 7 марта зам. наркома через помощника Молотова Б. Ф. Подцероба вообще отозвал это заключение [1, ф. 077, оп. 25, п. 114, л. 58—60].

5 марта, через день после отказа короля утвердить кабинет П. Грозы, последний сообщил Михаю I о таких щедрых обещаниях Москвы в случае одобрения королем правительства, как возвращение Северной Трансильвании и «мягкое» применение условий перемирия. Эти обещания были подкреплены угрозой Вышинского, выраженной в сомнении, что в противном случае он едва ли сможет отвечать за то, сохранится ли Румыния «как независимое государство» [7, с. 106—107]. Под прямым нажимом советского правительства и лично Вышинского было сформировано прокоммунистическое правительство Грозы, состав которого 6 марта утвердил король Михай I [подробней см. 21, р. 165—169; 22, р. 330—331]. Таким образом, вопрос о принадлежности Трансильвании был в полной мере использован СССР в качестве инструмента воздействия на политическую борьбу в Румынии.

Появилась возможность реализовать январское обещание Сталина. Наградой Бухаресту стала Северная Трансильвания, которая на следующий день была фактически присоединена к Румынии, хотя новое правительство только 8 марта обратилось с просьбой о восстановлении там румынской администрации. Была направлена благодарственная телеграмма Сталину, а 13 марта состоялось грандиозное народное празднество в Клуже. Однако ситуация в провинции была достаточно сложной. Как указывалось в справке об общественно-политических организациях в Северной Трансильвании, подготовленной 16 марта в структурах НКГБ СССР в Бухаресте для Берии, самой крупной организацией НДФ Румынии в этой провинции был Народный венгерский союз. Лишь в феврале он отказался от лозунга «Независимость Северной Трансильвании», а в случае невозможности его реализации — от лозунга «Присоединение Северной Трансильвании к СССР». В крае про-

должали действовать остатки венгерских нелегальных фашистских организаций «Скрещенные стрелы» и «Имреди». Обе «исторические» партии по указанию Маниу с начала 1945 г. прекратили сотрудничество с НДФ. Левые партии были слабы и разобщены [19, док. 75, с. 298; док. 76, с. 301—302].

Не случайно наследник Коминтерна — Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) так интересовался положением в провинции. В письме зам. заведующего ОМИ Л. С. Баранова лидеру компартии Венгрии М. Ракоши 23 марта запрашивались подробные сведения по проблеме «Отношение различных слоев населения и политических кругов к трансильванскому вопросу». 23 апреля Баранов сообщал в записке Димитрову, что для ЦК КП Румынии составлен целый опросный лист, где в числе первых значилась проблема: «Мероприятия правительства, направленные на упрочение демократических сил в Трансильвании. Положение в Трансильвании». При всей сложности ситуации в провинции восстановление здесь румынской администрации укрепляло авторитет правительства, что отметил зам. председателя СКК генерал-полковник И. З. Сусайков в справке о внутривнутриполитическом положении в Румынии от 20 мая 1945 г. [13, док. 48, с. 178; док. 53, с. 188—189; 20, док. 61, с. 142]

Национальный вопрос, как во всей стране, так и в крае, утратив недавнюю остроту, не потерял актуальности. В беседе А. П. Павлова с премьер-министром П. Грозой 9 апреля был затронут вопрос о бессарабцах, ушедших с румынскими войсками накануне присоединения Бессарабии к СССР в 1940 г.,

которые пытались сохранить в Румынии «кое-какие остатки так называемой бессарабской проблемы». Гроза был согласен выдать по списку всех, кто интересуется советскую сторону. Павлов поднял также проблему трансильванских венгров, высланных немцами в Венгрию, возвращению которых препятствовали румынские власти. Гроза, лично занимавшийся проблемой провинции, обещал предоставить венгерским крестьянам возможность вернуться в Северную Трансильванию. Другой аспект проблемы обсуждался в Москве на встрече Вышинского, удостоенного медали в честь воссоединения Северной Трансильвании с Румынией, с румынским военным министром К. Василиу-Рэшкану 27 июня. Речь шла о нежелании венгерского населения провинции признавать румынскую администрацию, случаях изгнания румынских властей, учителей [20, док. 56, с. 125—127; док. 57, с. 133; док. 64, с. 151, 153].

В документах «Особой папки» В. М. Молотова содержатся материалы о миграции румынских евреев в конце войны. Нарком иностранных дел УССР Д. З. Мануильский в телеграмме от 20 декабря 1944 г. поставил вопрос о переселении в Румынию с территории Украины и Молдавии румынских

подданных — евреев. Берия в письме Молотову от 13 января 1945 г. сообщал по существу телеграммы, что евреи из гетто и концлагерей Винницкой, Каменец-Подольской и Одесской областей, а также румынские подданные — румыны, поляки, украинцы, молдаване и немцы, приехавшие в эти области в период оккупации, стали прибывать в Черновицкую область с целью возврата в Румынию. НКВД считал необходимым всех их (17 тыс. чел.) переселить в Румынию (кроме немцев). 18 января Молотов согласился с этим предложением. Румынская секция Всемирного еврейского союза в телеграмме Молотову от 10 февраля благодарил в его лице русский народ за освобождение польских и германских территорий, куда ссылались евреи из Трансильвании и Венгрии, и просила о разрешении направить в эти районы комиссию для розыска сосланных и оказания им первой помощи. 24 марта было издано распоряжение СНК СССР о выдворении всех румынских подданных (кроме немцев) в Румынию в сроки не позднее 15 апреля с правом взять 150 кг имущества на человека и обменять на румынские леи 1 тыс. советских рублей на семью. «Особая папка» И. В. Сталина содержит другой интересный документ — доклад Молотова и Берии Сталину от 7 июля 1945 г. В нем сообщается о 13,6 тыс. евреев, получивших советское гражданство в связи с воссоединением Северной Буковины, которые в период выдворения румынских подданных возбудили ходатайство о разрешении им переезда на жительство в Румынию. Авторы доклада считали, что таким лицам можно разрешить выход из советского гражданства и выезд в Румынию [5, ф. Р-9401, оп. 2, д. 98, л. 47—48; д. 103, л. 8, 14, 32, 119—120, 133].

Территориальное размежевание не воспринималось в Венгрии как окончательное. Начальник VII Управления ГлавПУРККА М. И. Бурцев сообщал 23 мая Димитрову о повсеместном мнении в среде населения Венгрии о том, что вопрос о Северной Трансильвании должен быть «пересмотрен со временем в пользу Венгрии». М. Ракоши, выступая 23 июня в ОМИ ЦК ВКП(б), оценил трансильванский вопрос как «очень болезненный», так как «Румыния была вассалом Гитлера и все-таки получила те территории, где живет более 1 млн венгров». Понимая невозможность изменения только что принятых по Северной Трансильвании решений, он отмечал, что «мы пока этот вопрос не ставим... Мы говорим о будущем братстве этих мелких народов» [11, ф. 17, оп. 128, д. 38, л. 15—16; 19, док. 80, с. 312].

Таким образом, в рассматриваемый период Москва добилась принятия комплекса решений по Трансильвании, обеспечивавших ее политические и идеологические интересы. Содержание этих решений, технология их реализации, возможные изменения и корректировки были на протяжении трех следующих лет предметом обсуждений и дискуссий на I—III сессиях Сове-

та министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции, заседаниях Парижской мирной конференции 1946 г., в двусторонних отношениях Советского Союза с Румынией и Венгрией, однако остались практически неизменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
2. Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: в 3 т. М., 1946. Т. 2: 1 января — 31 декабря 1944 г.
4. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953: в 2 т. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1: 1944—1948.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
6. Димитров, Георги. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949 / Георги Димитров. София, 1997.

7. *Исламов, Т. М.* Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией / Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова // Очаги тревоги в Восточной Европе. (Драма национальных противоречий). М., 1994.
8. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Документы и материалы. М., 1985.
9. Освобождение Венгрии. 1944—1945: сб. документов. Будапешт, 1976.
10. *Ржешевский, О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945 / О. А. Ржешевский. М., 2004.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
12. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944—1945: Документы и материалы. Т. 14—3 (2). М., 2000. Раздел «Румыния».
13. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг.: Документы: в 2 т. М., 1999. Т. 1: 1944—1948 гг.
14. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: 1944—1945. М., 1983.
15. Советско-американские отношения. 1939—1945: Документы. М., 2004.
16. Советско-венгерские отношения. 1945—1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969.
17. СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики РФ: в 4 т. М., 2000. Т. 2: 9 мая 1945 г. — 3 октября 1946 г.
18. *Стыкалин, А. С.* Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы / А. С. Стыкалин // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М., 2004.

19. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг.: Документы российских архивов. М., 2000.
20. Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944—1946 гг.): Документы российских архивов. М., 1998.
21. *Baciu, N.* Agonia României, 1944—1948: Dosarele secrete acuzat / N. Baciu. Bucuresti, 1997.
22. *Giurescu, D.* Guvernarea Nicolae Rădescu / D. Giurescu. Bucuresti, 1996.
23. *Hudior, I.* Jurnal Politic: 1 ianuarie — 24 august 1944 / I. Hudior. Bucuresti, 1997.
24. *Stanescu, F.* Ocupația sovietică în România: Documente, 1944—1946 / F. Stanescu, D. Zamfirescu. Bucuresti, 1998.